

12+
СЕРГЕЙ КИРНИЦКИЙ

Герои рядом

Сергей Кирницкий

Герои рядом

«Издательские решения»

Кирницкий С.

Герои рядом / С. Кирницкий — «Издательские решения»,

Что нужно, чтобы стать героем? Оказывается, не подвиг. Летом 2018 года капитан сборной России сделал то, что страна запомнила, — и не получил ни памятника, ни улицы, ни места в общей памяти. Почему? «Герои рядом» разбирает машину культурной героизации: время, требование безупречности, тягу памяти к завершённому прошлому. Книга не ищет виноватых. Она показывает, как устроен выбор, — и в финале сама совершает то, чего эта машина не делает никогда.

© Кирницкий С.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. ПОДВИГ	6
Глава 1. Капитан, которого не выбрали	7
1.1. Лето, которое не вернулось	7
1.2. Что он сделал	9
1.3. Сделано, но не засчитано	11
Глава 2. Сделать — не значит стать	14
2.1. За подвиг героя не дают	14
2.2. Героизм — это не оценка, а функция	16
2.3. Что общество хочет видеть	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Герои рядом

Сергей Кирницкий

Иллюстрация на обложке Created with Grok

© Сергей Кирницкий, 2026

ISBN 978-5-0070-2806-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. ПОДВИГ

Бывает лето, после которого ничего такого больше не было. Бывает имя, которое должно было остаться, — и не осталось. Книга начинается между этими двумя точками.

Это не несправедливость, требующая исправления, и не загадка, требующая разгадки. Это форма — пустота определённого устройства, которую можно зафиксировать как факт и описать как структуру. Поступок произошёл; признание не пришло. Чтобы понять, как это вышло, мало одного случая — нужно перевести случай в принцип, а перевод не делается из воздуха: ему нужна материя, которую переводят. Лето здесь — замкнутая фигура: вход, верхняя точка, выход. Внутри — человек, у которого отняли имя за то, что заслужил его не вовремя.

Глава 1. Капитан, которого не выбрали

Лето, после которого ничего такого больше не было, и человек, имя которого должно было остаться. Время прошло; имя — не осталось.

Время, в котором это произошло, конкретно: у него есть начало, верхняя точка и конец, и эти три точки имеют даты. Поступок, совершённый внутри этого времени, тоже конкретен: позиция, голы, удары, общий результат. Между поступком и его именем стояла пустота — её тоже можно описать предметно, через то, что обычно появляется вокруг такого поступка, и через то, что появилось вместо. Никаких интерпретаций. Что есть — то есть. Лето имело начало, кульминацию и конец, и внутри него остался человек, у которого имя повисло между двумя датами.

1.1. Лето, которое не вернулось

Май и начало июня две тысячи восемнадцатого года. Состояние страны перед собственным чемпионатом мира — спокойный скептицизм, в котором никто не звучал оптимистом. Сборная подходила к турниру в худшей форме за всё время своего существования; место в нижней части рейтинга ФИФА; спортивная пресса говорила про команду без интонации, на которую опирается надежда. Это не было разочарованием — для разочарования нужна предварительная вера. Это было ровное предчувствие, что турнир пройдёт, как проходят турниры, в которых одна команда — хозяин стадиона и больше ничего, и что в положенный срок всё закончится в группе, без сцен.

Государственная риторика, привычно приподнятая, в этот раз уравнивалась тихим внутренним согласием: даже она звучала без нажима. Болельщики, собиравшиеся в первые дни в фан-зонах, были скорее туристами своего собственного города, чем людьми, ожидавшими спортивного исхода. Билеты на матч открытия покупались как билеты в театр на спектакль, к которому относятся уважительно, но без волнения о развязке. Разговоры о составе шли в той же спокойной рамке, что и разговоры о погоде — без надежды, без раздражения, в одной общей температуре.

Прогнозы до старта группового этапа сводились к мысли, что команда займёт третье место в группе и поедет домой, — мысль высказывалась без неприязни, как договорённость о вероятном порядке вещей. Вопрос «а что если?» в этих разговорах не появлялся; не из суеверия, а потому что для такого вопроса не было повода. В постсоветской истории сборная редко выходила из группы крупных турниров; чаще — вылеты, чаще — скептицизм, который к 2018 году уже превратился из раздражения в привычку. Эта привычка не трещала, не возмущалась — она просто была.

Так выглядел вход. Тихий, ровный, без напряжения.

Четырнадцатого июня вечером сборная встречалась с Саудовской Аравией.

Счёт пять — ноль не описывается одним словом. Он описывается тем, что произошло вокруг. Перед матчем улицы пустели — обычное поведение городов в дни таких событий. После матча они не вернулись к норме: люди, час назад смотревшие в экраны, выходили на воздух и шли. Ходили без цели, ходили компаниями, переходили на встречные тротуары, не переставая разговаривать. На балконах и в окнах открывали створки. Шум стоял ровный, без всплесков. Это не была реакция на победу в матче — это была реакция на сдвиг чего-то, для чего ещё не было слова. Сдвиг был зафиксирован тогда же, в ту же ночь, не задним числом.

Через пять дней — Египет. Три — один. Этого матча хватало, чтобы выход из группы был оформлен математически; и уже с этого вечера в разговорах появилось то, чего в них не было до начала турнира: возможность пройти дальше как нечто рабочее, а не воображаемое.

Зрительская аудитория этой встречи в стране была того порядка, к которому в обычные годы шли только финалы. Это тоже фиксируется без интерпретации.

Дальше — поражение от Уругвая, в которое уже никто не вкладывал значимости, потому что выход из группы был оформлен. Здесь интонация поменялась во второй раз: в стране, ничего не ждавшей, начинали узнавать собственную команду — не по фамилиям, а по факту того, что она ещё в турнире. Пространство для надежды открылось без объявления: никто не говорил вслух, что теперь надеются, но в разговорах появилось слово «дальше». Раньше его не было.

Первого июля сборная играла с Испанией. Это был день, после которого закрылся первый рубеж между ожиданием и его отсутствием.

Основное время — один — один. Серия пенальти. Выход в одну четвертую финала.

Описывать матч сцена за сценой здесь не нужно: дело не в нём. Дело в том, что он сделал с временем вокруг. До этого вечера слово «лето» применительно к 2018 году означало промежуток в календаре. После этого вечера оно стало значить то, что стало значить — конкретный отрезок, отделённый от остального года и от всех соседних лет. Граница была проведена, и она прошла именно тут.

Между этим матчем и следующим прошло шесть дней, и эти шесть дней были тем периодом, в который слово «лето» проявилось окончательно. В разговорах в метро, в очередях, на работе, в случайных репликах в магазинах — везде звучала тема одного матча, и звучала без агрессии. Спорили о составе на четвертьфинал, обсуждали, как смотреть, где смотреть, с кем смотреть. Те, кто не интересовался футболом всю жизнь, начинали интересоваться без объяснения причин — просто потому что интересоваться было можно. Это не была мобилизация и не была мода; ближе к описанию подходит слово «доступ»: на эти дни футбол стал доступен всем без специальных условий.

Никольская улица была одной из точек, в которых это лето проявлялось в физическом виде. Толпа из людей разных стран, говорящих на десяти языках сразу, ходила по ней без видимой цели и без видимого волнения, как ходят по морскому берегу. Одно и то же лицо могло появиться там трижды за неделю, в разной компании. На балконах и в окнах верхних этажей над улицей стояли часами и смотрели вниз люди, не имевшие к толпе никакого отношения, потому что внизу происходило что-то, что не происходило никогда прежде, не имело никакого имени и было одновременно очень простым и очень редким.

В дни игр сборной город пустел в течение получаса до начала и заполнялся обратно через десять минут после. В промежутке между этими двумя плотностями оставалась короткая, странного качества тишина: машины стояли реже обычного, шаги были слышны на расстоянии, в открытых окнах слышался один и тот же звук — голос комментатора. Эту тишину помнят те, кто находился в это время в больших городах. Она не описывается через сравнение с другой тишиной; у неё была собственная плотность, которая возникает один раз и не возвращается.

Фанаты из других стран, оставшиеся в Москве дольше, чем планировали, дожившие на турнире со своими сборными до их вылета и не поехавшие домой, потому что было непонятно, зачем уезжать сейчас, ходили в одних и тех же футболках по нескольким районам, и эти футболки видели друг друга на каждом перекрёстке. Это была не атмосфера праздника в том смысле, в котором праздник проектируется и оформляется. Это была атмосфера, в которой никто никому ничего не должен — и из этой свободы возникает то, что в других обстоятельствах не возникает.

Седьмого июля — одна четвёртая финала с Хорватией. Основное и дополнительное время — два — два. Серия пенальти.

После последнего удара лето кончилось.

Конец датируется. В первые часы после матча на Никольской улице ещё были люди, но они стояли тише, чем стояли неделю назад; кто-то кому-то пожимал руки, кто-то фотографировался напоследок, в воздухе уже было то качество, которое бывает у последнего вечера, который осознаётся как последний. Восьмого июля утром улицы были другими; через неделю финал играли уже Франция с Хорватией, и Москва смотрела его из окна собственного дома, изнутри. Через неделю Никольская вернулась к роли просто красивой улицы с туристами обычного состава. Через месяц иностранные футболки исчезли. Через три месяца сборная играла товарищеский матч, о котором почти никто не помнит, и в этом матче не было ничего из того, что было летом.

Лето имело конкретный конец. После него возвращения не было — не в том смысле, что не было новых турниров (они были), а в том смысле, что свет, в котором стоял российский футбол в эти двадцать три дня, больше не включался ни на одну минуту. Состояние, в которое вошла страна между четырнадцатым июня и седьмым июля, не повторилось ни в одном из последующих сезонов и ни в одном следующем турнире. Это проверяется ровным взглядом, без сожаления и без преувеличения. То, что в эти двадцать три дня было общим воздухом, превратилось обратно в частные ощущения, разнесённые по людям, не сцепленные между собой.

Человек, ведший команду через эти двадцать три дня, остался стоять внутри замкнувшейся фигуры. Лето две тысячи восемнадцатого было коротким, имело начало и конец, и внутри него произошло то, что произошло. После — норма. После — всё снова стало таким, какое было до. С одной поправкой: внутри этого лета остался человек.

1.2. Что он сделал

Имя, оставшееся в этом лете, — Дзюба.

Это не значит, что в команде не было других имён. Это значит, что после турнира, когда лето кончилось и от него осталось только то, что было, эта фамилия в любом разговоре о сборной 2018 года произносилась первой или почти первой. Она и сейчас произносится без специального усилия — без необходимости вспоминать, без обращения к таблицам. Она остаётся при упоминании двадцати трёх дней.

В течение самих этих дней фамилия проявлялась так, как проявляется человек, на которого камера смотрит чаще, чем на других, — не потому что её туда направили, а потому что в кадре он оказывается чаще. После каждого гола сборной к нему подходили первым. В газетных страницах турнира — обзорах, расшифровках, на главных полосах — его фамилия повторялась в верхней строке, в подписи под главным фото, в заголовках обзоров матчей. Это не было результатом редакционного решения; это было следствием того, что сделанное им рисовалось в кадре крупнее, чем рисовалось другое. На странице, которую сейчас пишет глава, эта несообразность переводится в перечень — и сжимается до строк.

Капитанскую повязку на этом турнире он не носил — формальный знак был у другого человека, и это факт, который можно проверить. Но фигура, к которой обращалась команда в раздевалке, к которой выходили после голов, на которую смотрели в моменты, когда нужно было принять удар на себя или сбросить с себя усталость, — это была одна фигура. Капитан в смысле повязки и капитан в смысле опоры — две разные позиции; на этом турнире вторая была у него. Лидер в раздевалке. Это формулировка не из глянца, а из публичной речи самих игроков, дававшейся в те же дни. Расширять её в портрет лидерства не нужно: позиция, не статистика.

К этой позиции добавляется одна деталь, относящаяся к месту в составе. К началу турнира основным форвардом сборной он не был — на эту роль готовился другой человек. Расклад поменялся уже в первом матче: место центрального нападающего пришлось занять в режиме замены, без подготовительного периода в качестве основного. Именно с этого выхода началась

серия из трёх голов и пяти матчей; в четырёх из пяти он выходил в основном составе. Эта деталь в списке существенна не как драматическая подробность, а как отметка о том, что место, на котором был сделан вклад, занималось не по плану, а по обстоятельствам.

Теперь то, что произошло на поле.

Три гола.

Первый — четырнадцатого июня, в матче с Саудовской Аравией. Один из голов в той пятёрке, после которой страна узнала, что турнир ещё не закончился. Гол не был ни первым в матче, ни последним — он был тем, после которого счёт перешёл из категории «комфортный» в категорию «крупный»; в общую картину пятёрки он встраивается как одна из её опор.

Второй — девятнадцатого июня, в матче с Египтом. Гол, после которого был оформлен выход из группы. До конца группового этапа оставалась ещё одна игра, но её исход уже не менял того, что место в одной восьмой финала было обеспечено этим вторым голом и вкладом всей команды в матче, в котором этот гол был забит.

Третий — первого июля, в матче с Испанией. Этот третий — особый случай в перечне, и его особенность не в самом голе, а в том, что было сделано вокруг.

Пенальти. Один — один. Сорок первая минута матча. Удар, после которого основное время дошло до серии пенальти, и в этой серии сборная вышла в одну четвёртую финала. Удар, переведший турнир в следующую стадию.

Этот удар не был эстетическим; гол не был артистическим; ни одна из этих характеристик не относится к его функции. Функция — рабочая: один — один в основное время, серия пенальти, выход в одну четвёртую финала. Эту работу он сделал. Эту работу делает один игрок один раз за турнир — чаще не делает, чем делает. Сделана.

Три гола — полное число. Не больше, не меньше. К списку голов прибавляются единичные факты, относящиеся к функции центрального форварда, без которой команда не оперирует на турнире такого уровня: удержание мяча в чужой штрафной, сбросы партнёрам, силовая борьба, штрафные за фолы соперников. Эти строки в перечне не разворачиваются в подробности — но они есть, и они часть того же списка.

Общий итог сборной известен и проверяется без труда. Выход из группы со второго места. Победа над Испанией в серии пенальти и выход в одну четвёртую финала. Поражение от Хорватии в одной четвёртой, в основное и дополнительное время — два — два, в серии пенальти — три — четыре. Турнир закончен в одной четвёртой.

Это лучший результат сборной России за всю её постсоветскую историю. Это не интерпретация и не превосходная степень — это позиция в перечне результатов всех чемпионатов мира с 1992 года. Лучше — не было. Никто из последующих составов сборной не дошёл и до одной восьмой; четвертьфинал — единственная высшая точка за весь постсоветский период.

В постсоветской истории сборной шесть чемпионатов мира до 2018 года и финальные турниры Европы того же периода — материал, в котором эта одна четвёртая стоит как одинокая отметка. До неё были вылеты на групповом этапе и неучастия. После — снова вылеты и неучастия. Один турнир в этом ряду имеет четвертьфинал. Этот один турнир — лето две тысячи восемнадцатого, и список вкладов, который сейчас лежит на странице, — это вклады одного человека внутри этого одного турнира. Соотношение строится без специальных усилий: оно прямое.

Здесь, в самом конце страницы, на полях — одна короткая строка про другую страну. Сборная СССР брала на крупных турнирах больше: победа на Евро 1960 года, четвёртое место на чемпионате мира 1966 года. Это другая страна, другая память, другой пакет обстоятельств. Книга работает в постсоветской рамке; внутри неё сравнение с советским футболом — отдельный разговор, который не разворачивается. Строка остаётся короткой; она нужна, чтобы вопрос «но советские брали больше» был поставлен и закрыт сразу, не отложен.

Список закрыт. Капитанство в смысле опоры. Место центрального нападающего, занятое в режиме замены и удержанное до конца турнира. Три гола: Саудовская Аравия, Египет, Испания. Один из этих трёх — пенальти, переведший турнир в следующую стадию. Четвертьфинал — высшая точка постсоветской истории сборной. Внизу страницы, на полях, — одна строка про другую страну.

Это страница без украшений. На ней — голый перечень, не претендующий ни на что, кроме точности. Никаких сравнений с другими игроками: имена сборной 2018 года в этом перечне не появляются как точки сопоставления, потому что задача страницы — не построить таблицу, а зафиксировать вклад. Никаких эмоциональных надбавок: счёт остаётся счётом, гол остаётся голом, минута остаётся минутой. Никакой категории «достойн» или «недостойн»: эта категория относится к другому регистру, в котором страница не работает. Здесь — то, что было сделано, с указанием кем и когда. По этой странице можно проверять. По этой странице нельзя оценивать. Оценочная функция остаётся за её пределами; страница остаётся на столе.

Это всё, что нужно положить на стол.

1.3. Сделано, но не засчитано

Список вкладов закрывается короткой фразой: положено на стол. С этого места главу занимает соседнее пространство — то, что находится вокруг такого списка, не его оценка, а форма, в которой обычно появляется имя.

Вокруг списка такого размера в обычной культурной механике появляется несколько вещей. У каждой — привычное место и привычная форма. Их можно перечислить.

Памятник — нет.

Улицы, названной в его честь, — нет. Площади — нет. Гимназии или спортивной школы — нет. На фасадах стадионов, на которых проходили матчи 2018 года, — никаких упоминаний этой фигуры. Памятной таблички у входа на любой из них — нет. На общих картах памяти турнира — никаких отсылок к одному конкретному человеку.

Песни — нет. Не той песни, которую записывают для одного турнира и поют две недели; такая, может быть, и была. А той, в которой имя становится названием и в этом названии живёт несколько лет, попадая в эфиры по поводу и без повода.

Премии — нет. Турнира, носящего его имя, — нет. Кубка, который вручается лучшему молодому форварду каждого сезона и носит фамилию того, кто забил пенальти Испании, — нет. Этих структур увековечения, которые в обычной механике культурной памяти возникают вокруг такого результата, на этом месте не появилось ни в одной форме.

Культовой биографии — нет. Книги, в которой бы лето 2018 года получило свою летописную форму с этой фигурой в центре, — нет. Документального фильма, в котором эта фигура была бы сложным человеком, прошедшим через двадцать три дня высокой плотности, — нет. Очерка большой формы в журнале, который сделал бы её портрет частью общей памяти, — нет.

Школьного упоминания — нет. В курсе истории физической культуры, в перечнях достижений отечественного спорта, в учебниках для младших классов, где обычно бывают портреты тех, чьи имена должны помнить, — этого имени нет.

Цитируемой фразы — нет. Той фразы, которая обычно остаётся от человека, выводившего страну из группы крупного турнира впервые за десятилетие, — реплики из послематчевого разговора, или строчки из интервью, или эпизода в раздевалке, который обычно цитируется, — у общей памяти такой фразы по поводу этой фигуры нет. Анекдота уважительного типа, в котором имя становится знаком определённого качества, — нет. Анекдот другого типа — был.

Каталог можно продолжать, но дальше он повторяется: ни одной из тех структур, в которых имя обычно фиксируется, на этом месте нет. Это не отсутствие отдельных вещей — это отсутствие самой формы, в которую обычно укладывается признание.

Что появилось вместо — описать сложнее, потому что это не точка, а движение.

После лета 2018 года он остался игроком сборной. Это первая ступень: сначала просто продолжающий выходить на поле в форме сборной. Никаких особых условий, никакого почёта — обычное место в команде, как у других. На этой ступени ещё нет траектории; она только начинается.

Через какое-то время — капитанская повязка. Та самая позиция, которой не было летом 2018-го, пришла позже. Между турниром и этим назначением прошло время, и время это закрыло разрыв между ролью на поле и формальным знаком. Капитан сборной — на этой ступени, в этих месяцах. Знак носился, формальность исполнялась.

Потом — снова не капитан. Повязка ушла. Возвращение к роли просто игрока произошло раньше, чем большинство носителей такой повязки её снимали; период с ней оказался коротким, период без неё — продолжается. Эта ступень короткая для описания, но за ней — следующие.

Потом — игроком, к которому относились со снижающимся вниманием: матчи без турниров не задевают общественное внимание так, как турнирные. Снижение шло равномерно, не как обвал, а как остывание. Передачи о сборной выходили реже; обзоры товарищеских матчей собирали меньшую аудиторию; имя в заголовках появлялось всё реже, и всё чаще — в подзаголовках или в перечислении вместе с другими.

Потом — игроком клуба, к которому относились с обычным клубным вниманием: внутри клубных рамок — нормально, в общенациональных — тише. Клубные дела не выходили за пределы клубного контура. Это нормальная судьба большинства футболистов; необычным её делает соотношение с тем, что было летом 2018 года, не сама ступень.

Потом — фигурой, около которой публичная речь меняла регистр: то, где он оказался, не предполагало серьёзного разговора. Какое именно это было место — описывать здесь не нужно; важно только, что разговор о нём перестал быть нейтральным. Шутки появлялись чаще, чем обзоры; реплики — чаще, чем разборы.

Потом — полузабытым: в разговоре о сборной 2018 года его имя продолжало звучать, но в разговоре о сегодняшнем дне — реже. Это и есть то место, в котором он находится сейчас.

Ступени короткие, и каждую из них можно проверить по архивам публикаций, по объёму упоминаний, по плотности материалов в СМИ. Между лучшим результатом сборной за всю постсоветскую историю и положением полузабытого человека прошло несколько лет — промежуток, в котором траектория шла в одну сторону.

В 2020 году произошло что-то, после чего его убрали из сборной. Содержание этого «что-то» к делу главы не относится. Слова, обстоятельства, конкретика — за её пределами; глава смотрит не на эпизод, а на реакцию. Реакция же описывается без содержания, на которое она была реакцией.

Реакция была публичной и единодушной. Её основным веществом был смех — не сочувственный, не нервный, а тот, в котором смеющиеся не считают нужным скрывать ни саму реакцию, ни её направленность. Смех шёл по всем каналам одновременно: соцсети, телепрограммы, обычные разговоры в обычных компаниях. Он приходил быстро — в течение часов, не дней; его плотность нарастала в течение первых суток и держалась в течение нескольких недель.

Появились мемы; они расходились по сети плотно, без задержек, в формате, рассчитанном на быстрое потребление. Появились публикации, в которых одна тема перетекала в другую, потом в третью, и каждый перетёк добавлял слой публичного унижения. Появились шутки на телевидении и в радиоэфире, и эти шутки тиражировались дальше. Заметной защиты не было — ни от партнёров по команде, ни от организаций, в которых он состоял, ни от тех, кто

пользовался его именем летом 2018 года. Не было паузы, после которой можно было бы вернуться к теме спокойнее. Не было позиции, в которой кто-то остался бы стоять рядом и сказал, что разговор ведётся не в той тональности, в какой стоит вести разговор о человеке.

Реакция шла без перерыва и закончилась тем, что в сборной его не стало. Это и есть тот факт, к которому глава приближается со стороны реакции: формальная отстранённость от команды стала продолжением того, что несколькими часами раньше началось в режиме смеха. Один процесс — общественной реакции — завершился другим, формальным; внешний контур замкнулся.

Через некоторое время он вернулся. Это важно для точности списка: возвращение состоялось. Его снова вызывали в национальную команду. Он снова выходил на поле в её форме. На этом возвращение исчерпывается — это не возвращение фигуры, потому что в фигуру его никто не возвращал; это возвращение игрока, который был нужен в составе. Возвращение в состав и возвращение в позицию признания — две разные операции, и в этом случае произошла только одна.

Признаки возвращающегося в позицию признания обычно видны: торжественные репортажи, перевыпуск архивных материалов, юбилейные подсчёты, переоценка прошлого, фразы вроде «теперь мы видим, чем он был для нас». Ни одного из этих признаков рядом с возвращением в состав не возникло. Возвращение прошло как кадровое решение тренера, не как событие коллективной памяти. И это, опять же, не оценка решения, а констатация формы, в которой оно состоялось.

Сложение всех этих строк даёт картину, которую остаётся положить рядом со страницей, на которой стоит список вкладов. Список вкладов — конкретный, проверяемый. Каталог пустот — тоже конкретный и тоже проверяемый: каждый его пункт устанавливается тем же способом, что и пункты вклада, — через отсутствие или наличие в общедоступных источниках. На одной странице есть, на другой — нет. В одном перечне пунктов — несколько, в другом — ни одного. Соотношение прямое.

Подвиг произошёл, признание не пришло. Эту фразу можно произнести как утверждение, не как обвинение. То, что было сделано на турнире, остаётся сделанным; то, что обычно появляется вокруг такого сделанного, — не появилось. Что между этими двумя фактами — вопрос, на который глава не отвечает. Глава делает другое: кладёт факт. Сначала тот, что сделано. Теперь — тот, что не засчитано.

Лето две тысячи восемнадцатого было замкнутым периодом — у него было начало, верхняя точка и конец. Внутри этого периода один человек сделал то, что сделал; список его вкладов помещается на одной странице без украшений. Рядом с этой страницей — другая, такого же размера и такого же типа: каталог пустот, в которых обычно появляется имя, и в которых на этот раз ничего не появилось. Две страницы лежат на одном столе. Между датой первой победы и датой последнего матча — двадцать три дня; между списком и каталогом пустот — несколько лет, в течение которых ни одна строка во второй из этих страниц не была вычеркнута.

Между ними — пустое пространство. У него есть форма, у него нет объяснения. Объяснение остаётся вопросом, и это вопрос, который глава не закрывает; она его и ставит. После того лета осталось всё, кроме имени. Это не приговор и не сожаление. Это наблюдение.

Глава 2. Сделать — не значит стать

Тот, кто что-то сделал, и тот, кого называют героем, — не обязательно один и тот же человек. Между ними может пройти десятилетие; между ними может вообще ничего не произойти. Это видно по биографиям, в которых поступок и имя расходятся, и это видно по биографиям, в которых имя есть, а поступка под ним почти нет.

Связь между подвигом и признанием — не связь причины и следствия. Это два процесса в разных регистрах: один совершается человеком, другой совершается с человеком. Языковая форма «герою такому-то» подсказывает, будто речь о медали, выданной по заслугам. На деле речь о должности, которая может быть открыта или закрыта, и которая открывается не под человека.

Зазор между сделанным и названным — не сбой и не аномалия. Это место, где становится видно, что культура распоряжается своими именами по собственной логике, а не по логике случившегося.

2.1. За подвиг героя не дают

В детстве учат: герой — тот, кто рискнул и победил, и за это его помнят. Школьная история собрана так, чтобы поступок и имя стояли рядом, без зазора. Советский нарратив усиливал этот контур: подвиг и память подавались как одно непрерывное движение, в котором событие переходит в имя, имя — в улицу, улица — в учебник. Ребёнок, выросший в этой системе, выходит из неё с интуицией, что между «сделать» и «стать» нет промежутка.

Интуиция эта не личная и не индивидуальная. Она усваивается раньше, чем у человека появляется возможность её проверить. К тому моменту, как взрослый замечает разницу между поступком и его признанием, привычка ждать сделки уже встроена и работает на уровне ниже сознательного отношения к материалу. Можно прочесть сколько угодно биографий, в которых заслуга и имя расходятся, и продолжать в каждом конкретном случае ждать, что они сойдутся. Привычка не разрушается совокупным наблюдением; она требует столкновения, и столкновение это всегда частное.

Привычка работает как объектив, через который прочитывается каждая отдельная биография. Если случай совпадает с ожидаемой сделкой, объектив подтверждается. Если случай расходится с ней — объектив ставит вопрос к случаю, а не к себе. «Что-то здесь не сошлось» — типовая реакция; «что-то с моей оптикой» — реакция нетипичная. Поэтому интуиция накапливает исключения, не проверяя собственной конструкции. Только когда сделка не совершается с фигурой, в которую человек вложен — собственным временем, собственной памятью, — становится видно, что сделки и не было.

Нас всех учили этому одинаково, и проверять полученное было нечем — пока сами не оказались в ситуации, где сделка обещанного не дала. Несоответствие, описанное в первой главе — лето, которое было, имя, которое не осталось — потому и читается как ошибка, что интуиция требует от него связности. Если подвиг есть, то и имя должно быть. Если имени нет, значит, либо подвига не было, либо что-то прервалось. Третий вариант — что подвиг и имя живут в разных регистрах и не обязаны совпадать — в исходную интуицию не помещается, и до момента собственного столкновения остаётся теоретической формулой, не работающей на уровне привычки.

То, что интуиция называет одним словом — герой — на деле два разных явления. Подвиг — это поступок: что-то сделано, и факт этого сделанного никуда не девается. Он остаётся в записях, в свидетельствах, в счёте матча, в строке турнирной таблицы. Сделанное неизымаемо: его можно забыть, но нельзя отменить. Героизация — это работа памяти: культура отбирает

фигуры, формирует их образ, помещает в общую картину. Этот процесс никогда не закончен — образы переписываются, фигуры выходят из обращения, новые занимают их место. Образы, в отличие от поступков, изымаемы: их можно отменить, перестав воспроизводить.

Эти два процесса происходят в разных регистрах. Один — в плоскости события, другой — в плоскости коллективной формы. В одном действуют единицы — час, день, конкретное место, конкретное тело; в другом — связанные конфигурации, разворачивающиеся десятилетиями: формы памяти, нарративы, фигуры, в которых отдельный человек становится одной фигурой среди других. Перейти из первого регистра во второй нельзя простым переносом. Для этого нужна вторая работа — и у неё своё время, свои условия и свои фильтры.

Сделка между двумя регистрами не существует. Не потому, что общество неблагоприятно, и не потому, что заслуги обесцениваются, — а потому, что между «сделать» и «стать» нет автоматического перехода. Поступок принадлежит человеку. Имя принадлежит культуре. Чтобы поступок стал именем, нужна вторая работа, и эту работу совершает не сам поступивший. Он не может ей помочь — и не может ей помешать. Она происходит без его участия и не отчитывается перед ним.

Это видно по типичным траекториям. Учёные, чьи открытия признаются после смерти. Военные, имена которых не остались, хотя они закрывали собой то, что после них осталось. Писатели, чья работа становится «классической» через поколение, а до этого читается как чудачество, ересь, неудача. Это не редкие исключения, проскальзывающие в обычном течении истории. Это повторяющаяся форма: подвиг есть, признания пока нет.

И обратное — тоже видно. Имена, под которыми поступка почти нет; биографии, удобно собранные после смерти; репутации, которые работают сами на себя, без особого основания в произошедшем. Не как обман — как естественное следствие того, что у памяти своя работа, и идёт она не по списку сделанного.

Если бы между подвигом и признанием была сделка, ни одна из этих ситуаций не была бы возможна. Учёный, сделавший открытие, был бы признан в течение жизни. Военный, выполнивший своё, остался бы в имени. Имя без поступка — невозможно. Поступок без имени — невозможен. Но всё это есть, и всё это норма. Аномалией это становится только тогда, когда смотришь на отдельный случай через призму ожидаемой сделки. Стоит увидеть форму — аномалия исчезает. Остаётся структурное расхождение между двумя процессами, которое в каждом конкретном случае выглядит как несправедливость, а на уровне формы — как условие самой работы.

То, что на уровне случая выглядит как нечестность по отношению к человеку, на уровне формы — естественное следствие того, что у двух работ свои скорости и свои правила, и они не обязаны совпадать.

Между действием человека и тем, что общество делает с этим действием, проходит граница, которую интуиция склонна пропускать. Поступок — это то, что один человек делает в один момент времени. Признание — это то, что многие люди делают на протяжении многих лет, и что в итоге становится не их решением, а формой, передаваемой дальше. Это не два аспекта одного процесса. Это два разных процесса, и связь между ними не обменная.

Обменная связь работает по простой схеме: дано действие, в обмен выдаётся ответ. Так устроен расчёт за работу, награда за победу, наказание за нарушение. Из этой схемы и берётся интуиция о героизме — сделал, получил. Но героизм не зарплата. Признание не выдаётся в обмен; оно складывается, и складывает его не тот, кто действовал. Складывает его коллектив, со своей внутренней работой, со своими паузами, отбраковками, перерасчётами. Эта работа не подчиняется логике обмена и не отвечает на неё.

Общество распоряжается званием по своей логике, и логика эта — не «кто заслужил больше», а «какая фигура нам сейчас нужна». Иногда эти две логики совпадают, и тогда сделка кажется состоявшейся: человек что-то сделал, его признали, всё вроде сошлось. Чаще — рас-

ходятся. И тогда возникает то, что в первой главе фиксировалось как пустота: подвиг есть, имени нет. Пустота эта не аварийна. Она — место, в котором две логики не сошлись, и одна из них продолжает работать, не дожидаясь другой.

Если о герое спрашивать «достойн ли», ответ всегда будет либо «да, и потому несправедливо, что не признали», либо «нет, и потому правильно, что не признали». Оба ответа исходят из того, что героизм — это вердикт о человеке: что-то о его моральных качествах, о его поступках, о его соответствии норме. На этом и стоит интуиция, и на этом она сбивается, когда приходится объяснять, почему вердикт не вынесен в случаях, где, кажется, всё для него есть. Если же спрашивать иначе — «нужна ли коллективу эта фигура именно сейчас, в этой форме, на этой роли» — ответ становится возможным. И не сводится к моральной оценке: фигура может быть пригодна или непригодна без всякого суждения о её носителе.

Это не значит, что суждения о носителе нет нигде. Оно есть — но в другом регистре, и не оно решает вопрос признания. Решает другое: соответствие фигуры условиям, в которых открывается должность. Условия эти не назначаются специально, не объявляются, не подлежат обсуждению. Они работают тихо, без речи и без голосования, — пропуская одних и не пропуская других.

Это не цинизм и не разоблачение. Никто не скрывает, что общество выбирает героев по своей логике, — просто эта логика не предъявлена в учебниках, и потому остаётся невидимой. Смещение оптики не уличает культуру в коварстве. Оно показывает, что пустота между подвигом и именем перестаёт быть ошибкой и становится наблюдаемым устройством. После этого о пустоте можно говорить — не возмущаясь, не утешая, не ища виновного. Можно описывать форму.

2.2. Героизм — это не оценка, а функция

Образ героя удерживается в культуре не сам по себе. Он держится, пока делает работу — и работа эта не для самого героя. Образ нужен коллективу для конкретных вещей, и эти вещи описуемы, даже если в обычной речи их обычно не разделяют.

Через героя коллектив получает идентичность: «вот мы, вот те, кого мы выбрали из своих, вот наша форма». Через него получает утешение: тяжёлое прошлое осмысливается в фигуре, которая его пережила или закрыла собой, — и тогда тяжесть становится поправимой, кто-то с ней совладал. Через него передаётся моральный образец: когда нужно сказать «вот так — да», достаточно показать на фигуру, и образец работает без объяснений. Через него сшиваются поколения: внук узнаёт деда не по родственной связи, а по общей фигуре — той, что стоит между ними и принадлежит им обоим.

Этих работ может быть и больше, и меньше, и в разных культурах разный набор — где-то на первом плане идентичность, где-то моральный образец, где-то связь поколений. Но функция героя — это работа именно в этом смысле: не симметрия благодарности за заслугу, а работа, которую коллектив делает с помощью отобранной фигуры. Без фигуры работа не идёт. Не любая фигура годится — нужна та, форма которой работает.

Здесь видно нечто важное о самой форме. Эти работы — не одна работа в разных видах. Идентичность требует фигуры, в которой узнаваема общность. Утешение — фигуры, способной нести тяжесть и не разрушаться от этой ноши. Моральный образец — фигуры, в которой нет тёмных пятен. Связь поколений — фигуры, перерастающей одну эпоху. Это разные требования, и одна фигура редко тянет все четыре одинаково. В реальной памяти герои чаще специализированы: одни работают на идентичность, другие — на утешение, третьи — на образец. Но всё это работа, и работа для коллектива.

Героизм — это не качество человека, не «свойство души», как иногда говорят, а позиция, которая может быть им занята или не занята. Должность.

В этой формулировке нет умаления. Должность — не унижение того, кто её занимает. Учитель, врач, председатель — все эти слова обозначают должности, и человек, занимающий должность, привносит в неё своё, не сводимое к функции. Но за пределами функции сама должность не существует. Если нет работы, которую должность делает для целого, нет и должности.

Должность героя точно так же существует не в человеке, а между человеком и коллективом. У неё есть работа — та, что описана выше. У неё есть требования — те, которые делают конкретного человека пригодным или непригодным. И у неё есть две стороны, между которыми проходит вся её жизнь: тот, кого она может принять, и коллектив, который её открывает или не открывает.

Должность бывает не только открыта или закрыта. Она бывает не нужна. В одни эпохи коллектив остро нуждается в герое — потому что что-то должно быть собрано, поддержано, передано, — и тогда должностей много, и все они наполнены. В другие — должность стоит пустой, не потому что нет достойных, а потому что коллективу сейчас не нужна та работа, которую делает герой. Это не означает, что героев становится меньше; это означает, что культура временно перестаёт их искать. И тот, кто в эту эпоху совершает подвиг, оказывается в положении, в котором нечего открывать: должности нет — не потому, что её закрыли, а потому, что её сейчас не существует как формы.

Из этого следует и двунаправленность. Привычно говорить, что человек «не справился» с ролью героя — что-то сделал не так, что-то сказал не то, что-то проявил. Но эта формулировка односторонняя: она помещает ответственность на человека, как будто сама должность была ему гарантирована и он её упустил. На деле двусторонне: иногда человек действительно не помещается в функцию — слишком противоречив, слишком обыкновёнен, слишком конкретен. Иногда функция не помещается в коллектив — этому коллективу, в этом моменте, в этой конкретной форме герой такого типа не нужен. И тогда даже самый пригодный человек не получает должности — не потому что он плох, а потому что должность не открыта.

Между человеком и должностью — две независимые переменные. Совпадение редко, и редкость эта не моральная — структурная. Должность открывается под определённую форму, и форма эта складывается не из того, что есть на стороне человека, а из того, что нужно на стороне коллектива.

Это не значит, что коллектив сознательно «формирует требования» и потом проверяет по ним кандидата. Никакого собрания не происходит, никто требований не объявляет. Форма складывается из того, как этот коллектив помнит — какие фигуры он раньше уже удержал, какие отверг, какие забыл. Память сама собой кладёт сетку, через которую новая фигура проходит или не проходит. Сетка непрозрачна для того, кто проходит, — и нередко непрозрачна и для того, кто её держит.

После этого вопрос «достойн ли он быть героем» начинает звучать иначе. Не неверно — на своём месте он остаётся осмысленным; вопросом о моральных качествах человека можно задаваться по любому поводу. Но он не отвечает на вопрос о признании. Это вопрос из другого регистра — из того, в котором человек сам себе предмет рассмотрения.

Признание решается в другом регистре. И вопрос там другой: нужна ли коллективу такая фигура именно сейчас. Нужна ли вот эта работа, которую выполняет образ героя, — нужна ли она в форме, которую может принести этот человек. Если нужна, и он подходит, и больше никто на эту форму не претендует — должность открывается. Если хотя бы одно из условий не выполнено — она не открывается, и никакие заслуги этого не меняют.

Это не пренебрежение к заслуге. Заслуга остаётся — поступок никуда не девается, его можно описать, перечислить, помнить. Но между заслугой и должностью лежит вопрос пригодности к функции, и пригодность определяется не количеством сделанного, а соответствием формы. Человек может сделать огромное количество и быть структурно непригодным —

потому что его форма «не та». Человек может сделать сравнительно немного и оказаться структурно пригодным — потому что его форма точно совпала с тем, что коллектив в этот момент искал.

Не «общество ошибается», когда не признаёт того, кто сделал. Не «общество мудрое», когда признаёт того, кто, кажется, сделал немного. Просто та работа памяти, которая в коллективе идёт, спрашивает не о заслугах, а о форме. И отвечает на свой вопрос. Заслуги при этом могут совпадать с пригодностью или не совпадать — это два разных факта о человеке.

То же смещение работает в обратную сторону. Если кого-то признали при жизни, спрашивать «по заслугам ли» — точно так же мимо. Признали — потому что коллектив в этот момент нуждался в такой фигуре, и фигура совпала. Заслуги при этом могли быть, могли быть преувеличены, могли быть скромны — само совпадение важнее. И ровно поэтому такие признания часто не переживают свою эпоху: открыли должность, наполнили, эпоха сменилась — должность закрылась, и наполнение ушло вместе с ней. Не потому, что человек оказался хуже, а потому, что форма перестала работать.

Под этим смещением сам вопрос становится практическим, а не оценочным. Вместо «справедливо ли, что Х не признан» — «какая часть его формы не помещается в условия открытой должности». Первый вопрос имеет два возможных ответа: справедливо или нет. Второй — позволяет описывать. Описывать форму, описывать условия, описывать, в какой именно точке они расходятся. Это другой режим разговора — без возмущения, без утешения, без необходимости выбирать между этими двумя.

Если героизм — функция, у неё есть условия открытия. Условия — не загадка, не тайна, не предмет интерпретации. Это то, что либо выполнено, либо нет, и наблюдать его можно по результату: вот фигура прошла, вот не прошла. По расхождениям между фигурами, которые прошли, и теми, которые не прошли, формулируются и сами условия.

Условия не выводятся из идеи героя; их видно по тому, как коллектив фактически распорядился героическими местами на протяжении долгого времени. Кого-то держал, кого-то отбраковывал, кого-то возвращал, кого-то забывал. По разнице между удержанными и отбракованными — рисуется форма того, что держится. И форма эта не то, чем должен быть герой по нашим представлениям; это то, что у функции получается удерживать.

Условий немного. Если их свести к одному общему «герой должен быть достойным», они растворятся в моральном слове, и наблюдать станет нечего. Если же различить в них несколько разных требований, каждое со своим действием, видно, что у функции своя структура — не одна высокая планка, а несколько разных порогов, каждый со своей логикой пропуска и пропуска.

2.3. Что общество хочет видеть

Условия, через которые проходит фигура, можно различить. Их три. Это не описание идеального героя — таких описаний много, и они почти всегда расплываются в моральные слова, в которых отдельные требования теряются. Это три структурных признака, по которым происходит отбор: каждый работает по своей линии, и расхождения между этими линиями — то, чего общее слово как раз и не показывает.

Первое условие — ясность. Герой однозначен, без противоречий и серых зон. Это требование не о моральной чистоте: оно структурное. Фигура должна читаться как одно, а не как несколько. То, что у фигуры есть боковые стороны, оборотные стороны, разные эпохи жизни, разные свидетельства о ней — снижает её пригодность. Не потому, что в ней что-то плохое, а потому, что фигура распадается на голоса.

В однозначности не обязана быть простота характера. Внутренний мир человека может быть сложен — пока он не выходит наружу как противоречие, фигура держится. Но как только

противоречие становится публичным — сказал одно, сделал другое; в одной ситуации проявил одно, в другой — обратное; раньше был такой, теперь другой, — это уже не одна фигура, это две. И функция начинает их различать как две, а не складывать в одну сложную.

В среде, где каждое слово фигуры может быть записано и распространено, ясность даётся труднее. Не потому, что современники противоречивее — противоречивы все, в любую эпоху. А потому, что у современников каждое противоречие фиксируется и остаётся в обращении. У дальних фигур противоречия отсеялись со временем, попали в архив, потеряли публичный голос. У близких — продолжают звучать одновременно с основной линией, и каждое такое одновременное звучание распадается на фигуру.

Второе условие — дистанция. Герой не должен быть рядом. Дистанция здесь не одно измерение, а несколько. Дистанция во времени: чем дальше фигура от сегодняшнего дня, тем чище её образ. Дистанция в пространстве: герой обычно не из соседнего двора и не из той же среды. Дистанция в социальном статусе: герой стоит на другом уровне — высоком или подчёркнуто простом, но не на том, на котором сосед, коллега, попутчик в дороге.

Это требование часто читают как высокомерие коллектива: «не любит своих». На деле — другое. Слишком близкая фигура слишком хорошо видна, и видно в ней то, что любую фигуру разбирает: усталость, неточность, бытовые подробности. Чтобы держался образ, нужно расстояние, на которое эти подробности не доходят. Не потому, что их нужно скрывать — они никому не вредят сами по себе. Потому, что образу для работы нужна разница между собой и материалом.

Третье условие — завершённость. Биография фигуры закрыта или достаточно отдалена, чтобы новые данные не могли её изменить. Образ собран — и собран по тем материалам, которые на момент сборки уже не дополняются.

Завершённость — не смерть. Это категориальное недоразумение, в которое легко скатиться, и от которого тут нужно беречься. Биография может быть завершена тем, что человек ушёл из активной публичной жизни и остался в записанной форме — продолжает существовать, но в публичный материал больше ничего не добавляет. Биография может быть завершена самим временем: когда между настоящим и тем, что фигура совершила, прошёл такой срок, что новые сведения уже не способны существенно изменить картину. И в одном, и в другом случае работает одно — материал закрыт. Завершённость — про сохранность образа, а не про телесное состояние человека.

Это требование самое тонкое — оно не о фигуре в её собственной форме и не о дистанции между фигурой и наблюдателем, а о времени самой фигуры в обращении: она должна быть закрыта в смысле возможностей пересмотра. Пока возможен пересмотр, образ не собран — он только может собраться, и в любой момент может рассыпаться. Каждое новое появление фигуры в публичном поле — это попытка на пересмотр; ясное завершение исключает такую попытку.

Если посмотреть, как современник проходит через эти три условия, видно, что почти ни одно не выполняется без труда.

Ясность — он сам ещё формирует свою линию, и формирует её на свету. Любое его действие добавляет новые свидетельства, и они не складываются в одну фигуру — дают противоречия, поправки, поправки к поправкам. Чем активнее современник, тем меньше у него ясности — он не стал хуже, у него просто больше материала.

Дистанция — современник близко. Близко во времени, потому что он сейчас, не вчера и не сорок лет назад. Близко в пространстве, потому что он включён в ту же ткань новостей, разговоров, упоминаний. Часто близко и в статусе — даже если он на другом уровне известности, он всё равно как живой человек, со своим бытом, своим телом, своим утренним лицом. Дистанции — никакой.

Завершённость — современник не закончен. Он продолжает делать что-то, что меняет картину. Каждый день добавляет данных. Образ не может быть собран, потому что материал не закрыт.

Из трёх условий современник не выполняет ни одного по структуре. Не потому, что он какой-то особенный, и не потому, что он недостойный человек. По форме. И речь не о редких случаях — речь о современниках вообще, любых, любого качества. Тот, у кого сильнее внутренний материал и плотнее линия, проходит чуть больше; тот, у кого слабее, — чуть меньше; но никто не проходит до конца. Современник в этой таблице — самим своим определением — претендент, который пока не подошёл.

Стоит добавить уточнение: «современник» здесь не то же, что «живой». Современник — тот, чей материал ещё открыт, чьи возможности добавить что-то ещё не исчерпаны. Если человек ушёл из активного публичного присутствия и больше там не появляется, он, оставаясь живым, перестаёт быть современником в этом смысле — материал закрылся, и фигура может начать собираться. И наоборот: фигура из давнего прошлого, если каждое десятилетие открываются новые архивы, новые свидетельства, новые поводы для пересмотра, — остаётся «современником» в той части, в которой добавление продолжается.

Здесь становится возможным точное различие, на котором держится остальная книга. То, что делает человека достойным, — не то, что делает его пригодным.

Достойный — это человек, к которому нет претензий на уровне поступков, личности, биографии. Этический термин. Он принадлежит языку, в котором мы оцениваем людей и определяем своё отношение к ним.

Пригодный — это фигура, которая помещается в условия открытой должности. Структурный термин. Он принадлежит языку, в котором наблюдают, как функция отбирает.

Эти два термина не связаны. Достойный человек может быть структурно непригоден — потому что его форма, его биография, его время не помещаются в требования. Пригодная фигура может оказаться при ближайшем рассмотрении не такой уж достойной — потому что условия открытия не задают планку морали, они задают конфигурацию формы.

Совпадение возможно, но не гарантировано — и не симметрично. Пригодная фигура почти никогда не бывает изначально пригодна; она такой собирается, иногда десятилетиями, иногда позже. Достойный же человек либо есть, либо нет, и сборки у достоинства нет — оно живёт во времени, в котором человек его собирает или не собирает, но не в работе памяти, которая собирает фигуры.

Когда понятно, что речь о пригодности — это про функцию. Когда о достоинстве — про самого человека. Не «либо одно, либо другое», а «и одно, и другое, в разных регистрах».

Когда фигура, безупречная по линии поступков, не получает признания — расхождение в плоскости пригодности, не достоинства. Когда фигура, к которой накопилось много вопросов на уровне поведения, остаётся в репутации героя — расхождение в плоскости достоинства, не пригодности. В одном случае вопросов нет к человеку, но он не помещается в условия. В другом — вопросов нет к условиям, в которые он помещается, но есть к самому человеку. Это два разных расхождения, и язык, который сводит их в одно, теряет оба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.